

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Черевко К. Е.

ЭТНОГЕНЕЗ ЯПОНЦЕВ И ГИПОТЕЗА ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ КОМПОНЕНТЕ

Аннотация. Становление японского языка и японского этноса, на определенной стадии социального и культурного развития которых возникает потребность в письменности, две тесно связанные между собой проблемы. В японоведении традиционно разрабатывается гипотеза, в соответствии с которой японский этнос сформировался в основном в результате взаимодействия в первые века нашей эры на Японских островах австронезийских (малайско-полинезийских) племен аборигенов, которым была свойственна «культура колокола», с пришлыми алтайскими племенами, для которых была характерна «культура меча». Соответственно на австронезийский языковой субстрат наложился алтайский языковой суперстрат, который в результате гибридизации вышел победителем. Влияние субстрата сказалось на лексике и особенно ярко на фонетике нового языка, что выразилось в сохранении закона открытых слогов, несвойственного языку пришельцев, и, как следствие, значительном сокращении характерной для последнего широко развитой системы агглютинации, отсутствии стечения согласных в начале слова, неразличии фонем [R/L], а в грамматике — отсутствии изменения по числам, в счетных суффиксах, обилии вежливых слов.

Ключевые слова: международные отношения, политика, Япония, этногенез, язык, культура, общество, индоевропейские народы, безопасность, ценности.

Под влиянием же суперстрата сформировалась новая грамматическая система, для которой характерны следующие признаки: агглютинация, предшествование определения определяемому без согласования в роде, числе и падеже, наличие сказуемого в конце предложения, а подлежащего в его начале, отсутствие относительных прилагательных, употребление прямого дополнения непосредственно перед сказуемым и некоторые другие, в фонетике — отсутствие долгих гласных и термина в ранних памятниках и стечения согласных в начале слова, [R/L] в начале слова и сингармонизм гласных, а в лексике — обширный пласт оноματοпоэтических слов¹.

Но дело в том, что хотя имеется немало активных сторонников принадлежности японского, в особенности древнеяпонского языка к алтайской семье языков, сама проблема генетического родства этих языков, а следовательно, наличие самой этой семьи

в последнее время ставилось под сомнение. На смену алтайской теории приходит ностратическая теория, сторонником которой является и автор наиболее авторитетной монографии о генезисе японского языка С. А. Старостин.

Эта теория исходит из того, что алтайские языки, а следовательно, с точки зрения ряда ученых и древнеяпонский, входят вместе с уральскими, дравидийскими, семито-хамитскими (афразийскими), картвельскими, а также и индоевропейскими языками в одну большую ностратическую макросемью языков.

В связи с этим предлагаемый для рассмотрения вопрос о возможных генетических связях аборигенов Японских островов, наряду с носителями алтайских языков, с индоевропеоидами-юечжами (согдийцами), приобретает, по нашему мнению, значительную научную актуальность.

Актуальным остается и вопрос: кто такие японцы? В чем секрет их этнокультурного своеобразия, нет ли у них индоевропейских этнических компонентов?

Н. И. Конрад отмечал, что эллинистический мир, охватывавший единый культурно-исторический круг от Греции и Македонии, Малой Азии и Ирана

¹ Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1981. С. 3, 116. Иллич – Свитыч. Этимология. М., 1968.

до Бактрии, Согдианы и Северо-Западной Индии, влиял на Китай, Корею и Японию, и это влияние до сих пор исследовано недостаточно.

Как известно, японский этнос сложился на рубеже и в первые века нашей эры в результате взаимодействия малайско-полинезийского субстрата и алтайского суперстрата, прежде всего корейского, при некоторой доле айнского компонента¹. Этот восходящий к недифференцированному в расовом отношении населению Евразии айнский компонент «сочетает в себе черты, типичные как для европеоидов, так и австралоидов»². Имеются в виду расовый биохимический индекс (соотношение групп крови), пальцевые и ладонные узоры и т.д.

В качестве рабочей гипотезы мы впервые ставим вопрос о значении также индоевропейского компонента в происхождении основного населения Японских островов — японцев. В их этногенезе приняли заметное участие первонасельники этих островов, древние айны (вслед за носителями «охотской культуры» — предположительно палеонивхами), имеющие с индоевропейцами некоторые общие генетические признаки. В какой-то мере, наличие таких признаков считается доказанным. Но существует и другое: органическая мозаичность культуры японцев, где отмечен арийский «генетический отпечаток» на элите японского этноса — императорского племени «тэнсон», что ставится в тесную связь с высокой способностью японцев к заимствованию и быстрым успехам в экстремальных — как позитивных, так и негативных — условиях культурных инноваций. И это при постоянном сохранении своего традиционного культурного ядра, восходящего к народным верованиям (синтоизму как культу предков), что более всего типично для индоевропейского в своей основе народа юечжей, основавших в I в.н.э. Кушанское царство на западных границах Китая и в Индии. Носители этого этнонима до первых веков нашей эры сохранялись также на юге Корейского полуострова, вблизи самого западного из крупных Японских островов Кюсю, где при активном участии пришельцев с материка сложилось самое раннее японское государство Ямато (Яматай). Гипотеза такова: юечжи участвовали в формировании ранней Японии. Данные в пользу предлагаемой гипотезы распадаются на антропологические и этнологические в их исторической последовательности, а последние на предметы духовной культуры: ли-

тературно-исторические памятники, язык (главным образом этно-, тео- и топонимика, музыка и театральное искусство) и материальной культуры: предметы культа (захоронения обожествляемых правителей, живопись, скульптура, зеркала как символы божеств, в том числе шахматно-гадательные доски с социально иерархизированными фигурами), керамика и изделия из металла (сосуды, конская упряжь и сбруя) и др.

Японский археолог ЁсиоХарада, основываясь на материалах археологических раскопок, считал, что юечжи и китайцы торговали не только нефритом, но и прозрачным стеклом, бусами и браслетами. Независимо от того, осуществлялась ли обширная или эпизодическая торговля этими изделиями Запада и Востока через Северный Китай, следует признать существенным наличие таких связей в период перехода от неолита к бронзовому веку, «поскольку внезапное появление на востоке Азии ряда технических нововведений (например, конной упряжи и колесницы), совершенно не было подготовлено местным развитием»³.

В связи с этим обращает на себя внимание выделение отечественным исследователем М. Г. Левиным антропологических типов немонголоидных древних японцев (типов Аосима, Миято и Цукумо), отличающихся от айнов еще большей европеоидностью. По его мнению, в этих типах отсутствуют монголоидные черты. Первый из них характерный для ранне-неолитических погребений Северного Хонсю, является древнейшим. У айнов Хоккайдо он был представлен в сочетании с другими типами, причем у айнов Сахалина и Курильских островов тип Аосима сохранялся в наиболее чистом виде.

Тип Миято более позднего происхождения. Этот тип в эпоху неолита смешался с типом Аосима, составив существенный компонент в антропологическом облике японцев Северного Хонсю и айнов Хоккайдо. Тип же Миято появляется в конце неолита и, смешиваясь с монголоидными типами, характеризует антропологический облик современных японцев в целом. М. Г. Левин считает мнение Х. Мацумото о немонголоидности японского населения в неолите, включая их европеоидную «окраску», вполне обоснованным⁴.

Японский ученый НамиоЭгами — один из известнейших авторов гипотезы о формировании японцев как этноса в результате заселения Японии кочевыми племенами, говорившими на языке алтайской лингви-

¹ Конрад И.И. Избранные труды. История. М., 1974. С.301.

² Спеваковский А.Б. «Айнская проблема» и айны в этнической истории дальневосточного региона на основании новейших данных. СПб., 1992 (машин.рукопись). С.47.

³ Варенов А.В. Функционировал ли «Шелковый путь» в бронзовом веке? Новосибирск, 1983. С.4.

⁴ Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М., 1971. С. 189.

стической семьи. В своей статье о юечжах, племени индоевропейского (иранского) происхождения, ученый выдвинул предположение, что задолго до появления в Центральной Азии в районе Хотана первых китайцев, которое датируется начиная с ЧжанаЦяня 130–115 гг. до н.э., юечжи выступали посредниками в торговле иранского Запада с китайцами на Великом Шелковом пути¹.

Доцент МГУ, ученик Ю. Н. Рериха А. Н. Зелинский о юечжах в 2009 г. писал следующее:

«В конце первого тысячелетия до н.э. на смену господства ираноязычных индоевропейцев- скифов и родственных им племен саков и юечжей-в степи Восточной Евразии врывается народ тюркско-монгольского корня: хунну.

При хунномШаньюеЛаошане [174–165 до н.э.] происходит важное событие, эхо которого прокатилось по всей Срединной Азии. Речь идет о решительной победе хунну над еще одним кочевым народом — юечжами. Упоминание об юечжах как о кочевом народе в Хэси, то есть в степях к западу от Ордоса, появляется в китайских хрониках с V в. до н.э. Л. Н. Гумилев полагал, что родиной этого многочисленного народа была Джунгария. Юечжи до сих пор остаются загадочным народом. Ю. Н. Рерих считал, что «юечжи китайских анналов действительно были тохарами классических писателей античности и древнеиндийской литературы»

Возможно, что юечжи вместе с хеттами, фракийцами и киммерийцами представляют собой древнюю обширную группу индоевропейских народов, некогда широко раскинутую по северному степному поясу, самую восточную группу степных индоевропейцев. В настоящее время существует мнение, что заимствования из иранских языков в тохарские могут быть точно датированы и относятся ко времени не ранее начала н.э. Однако нам представляется, что это не является достаточно убедительным для того, чтобы отрицать отождествление юечжей с тохарами, на чем настаивал не только Ю. Н. Рерих, но и многие другие его предшественники в исследовании этого вопроса. Ю. Н. Рерих полагал, что «тохарская проблема является одной из сложнейших проблем истории Внутренней Азии и до известной степени относится к истории Индии, поскольку она касается этнической принадлежности кушанской династии [II в. до н.э.— I в. н. э.]»

Что касается места нахождения царства юечжей (согдийцев) — духовного центра северной, скифо-сар-

матской («Внешний Иран»), в отличие от южной, мидо-персидской («Внутренний Иран») ветви иранцев, Тазиг, (Таджик), то его «локализация в Центральной Азии, где-то в степных и предгорных районах между Восточным и Западным Туркестаном, где в древности говорили на согдийском и авестийском языках, представляется вполне вероятным. Скифо-сарматская стихия первого тысячелетия до н.э. представляла собой кочевой «Арийский Туран», который как «месторазвитие» особого типа кочевой культуры предшествовал приходу в эти места «степных туранцев», представителей «Тюркского Турана», относящихся уже к народам тюркского языкового корня».²

В период перехода от позднего неолита через энеолит к эпохе бронзы, в V–III вв. до н.э., в Северо-Восточном Китае до Южной Маньчжурии и Кореи простиралось китайское государство Янь (404–221 гг. до н.э.), которое осуществляло широкий обмен со странами и племенами, расположенными как на Западе, так и на Востоке. Среди них в китайском памятнике II в. до н.э. «Шаньхайцзин» («Каталог гор и морей») наряду с корейскими упоминается сложившееся в более ранний период японское племя ва, обитавшее на островах к северо-востоку от царства Янь и «принадлежащее» ему, очевидно, считавшееся зависимым от него. Янь оказало большое влияние на возникновение на Корейском полуострове и Японских островах культуры металлических сосудов и земледелия (культура Яёи).

В период существования первых объединенных китайских государств династий Цинь (221–207 гг. до н.э.), Ранней Хань (206 г. до н.э.— 25 г. н.э.) и Поздней Хань (25 г.— 220 г. н.э.) возможности для этнокультурного обмена между народами Средней, Центральной и Восточной Азии значительно увеличились. Известно, что в I в. н.э. японцы ежегодно платили дань Китаю, а с 57 г. н.э. через китайские владения на Корейском полуострове направляли посольства в китайскую столицу, а с Согдианой, Бактрией, Парфией и Ферганой установили связи через несколько лет после похода 102 г. до н.э. ханьских войск на Фергану, признавшую в результате этого вассальную зависимость от Китая³.

Время начального периода создания юечжами, которых часто называют согдийцами, колоний на границах Северного Китая разные ученые определяют по-разному. Так, европейские историки — Р. Хенниг

² А. Н. Зелинский. Русско-евразийская ось истории: «о монографии Ю. Н. Рериха «История Средней Азии» // Мир и политика, 2009, №2. С. 106.

³ Степугина Т.В. Китай в конце III - начале I в. до н.э. // Всемирная история. Т. II, гл. XV. М., 1956. С. 507.

и некоторые другие относят его к IV–III вв. до н.э.¹, а китайские историки пишут, что первые такие колонии уже существовали в V–IV вв. до н.э. в округе Гуанчжоу и затем распространились на округа Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу и Шачжоу².

На рубеже III и II вв. до н.э. юечжи стали подвергаться нападениям племен сюнну (хунну) и к середине II в. до н.э. под их ударами разделились надвое: большая часть — большие юечжи (предки кушанов) ушли на север и запад в Среднюю Азию, а меньшая — малые юечжи, или тохары³ стали перемещаться на юго-восток. Здесь в районе Дуньхуанпосле победы китайцев над хунну был учрежден в округе Увэй (провинция Ганьсу) уезд Юечжи, которым управляли юечжи⁴.

Часть юечжей, сохраняя в значительной мере свои антропологические черты, слилась в повседневной жизни с местным некитайским населением (хунну и предками тибетцев цянями) и стала заниматься преимущественно кочевым скотоводством. (В пользу этого свидетельствуют найденные в этом районе надписи V в. н.э. на тюркском языке, но выполненные «согдийским письмом».) Другая часть продолжала вести караванную торговлю на Великом Шелковом пути и других дорогах, проникая в отдаленные районы, прилегающие к его восточному участку, во Внутреннюю Монголию⁵, Прибайкалье⁶, Приамурье⁷, Приморье и Корейский полуостров⁸

¹ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник для истории Средней Азии // Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 1962. С.9.

² «Ши цзи» («Исторические записки»). Гл.123. С. 1а.

³ Ю.Н.Рерих вслед за буддийским монахом Кумараджива считал тохарским язык тех юечжей, что не откочевали после нашествия хунну // Сборник памяти Е.А.Бертельса. М., 1964. С.121.

⁴ «ЦаоТан шу» («Старые тайские истории»), Гл.40. С.376.

⁵ Pulleyblank E.A. SogdiancolonyinInnerMongolia // TungPao. Vol.XLI. 1952. P.317-356.

⁶ Окладников А.П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (Согдийское поселение на Урге?) // История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976. С. 34-43.

⁷ Деревянко Е.И. Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен -1 тыс. до н.э. Новосибирск, 1970. С.118-128.

⁸ Шавкунов Э.В. Согдийская колония в Приморье VIII-X вв. // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1988. С. 100-105; Его же. Великий шелковый путь и соболяя дорога согдийцев // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы доклада международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990. С.74; Глухарева О.Н. Искусство Кореи от древнейших времен до конца XIX в. М., 1982. Иллюстрации 25, 33, 92.

и, возможно, в Японию (через о. Кюсю). Важным аргументом в выдвигании и развитии этой гипотезы является длительное и успешное расширение торговли в Центральной и Восточной Азии в основном юечжами (Л. Н. Гумилев добавляет к ним и евреев) в сочетании со способностью быстро восстанавливать свои позиции, утраченные в результате невзгод или под ударами кочевников⁹.

В период 206–202 гг. до н.э., когда китайская династия Цинь захватила государство Янь, один из членов правящего рода этого государства Вэй Мань направился со своими сторонниками, среди которых было много некитайцев, не исключая, что нам представляется естественным, и юечжей, на Корейский полуостров, где захватил власть в государстве Чосон, подчинив себе также корейское владение Чинхан (по-китайски Чэньхань). Волна таких переселенцев, уклонявшихся от тяжелой военной службы в Китае, неоднократно достигали Корейского полуострова, и корейцы выделяли им часть своих земель¹⁰.

Так, в китайской хронике конца III в. н.э. «Саньгочжи» («Описание трех государств») о Южной Корее и Японии сообщается: «Хан находится к югу от (китайского округа) Дайфан, с востока и запада граничит с морем, а на юге сво (по-корейски — вэ, по-японски — ва). Имеются три владения-племени Махан, Чинхан и Пёнхан... Чинскийван управляет землей Юечжи (по-корейски — Вольчи, по-японски — Гэсси)». Юечжи упоминается среди других 50 земель, или общин, Кореи. Указывается, что чинханцы, к которым отнесены и юечжи, — это насельники из Китая, пришедшие в Корею во времена династии Цинь¹¹.

Из Китайской империи, где пала династия Поздняя Хань, в Ш — IV вв. н.э. на Корейский полуостров, юг которого составлял в этническом отношении одно целое с северным японским островом Кюсю, хлынули степные племена Северного Китая и прилегающих к нему с севера районов. В это время значительная часть Корейского полуострова входила в состав Ханьской империи.

Этот район подвергся нападениям хунну, сянби и, возможно, других племен, среди которых пред-

⁹ Малявкин А.Г. Согдийский торговый союз // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению истории культуры Средней и Центральной Азии. Вып.15. М., 1988. С.54.

¹⁰ Иакинф (Бичурин). Китайские известия о народах, обитавших в Средней Азии и Южной Сибири в древние времена. Т.2. М., 1950. С. 10-11 (ссылка на «Ши цзи».Л.115).

¹¹ Пак М.Н. Описание корейских племен, начало нашей эры // Советское востоковедение. 1961. №1. С. 127-128,

положительно были хунно-сяньби и юебань-хунну, подвергшиеся этнокультурному влиянию юечжей, а также сами юечжи.

Так как крупная миграция этих племен имела место и ранее, в начале III в.н.э., из китайского государства Цинь (по-корейски Чин) и им выделялись особые земли, возможно предположить, что упоминаемая в китайской хронике конца III в. «Сань-гочжи» («Описание трех царств») владение Юечжи имеет отношение к европеоидному, иранскому племени юечжи (согдийцы), а не являются омонимом названия этого этноса, как считалось ранее. Тем более что в «Сань-гочжи» употреблено наиболее древнее, исконное написание второй части этого этнонима — не 赫 a 曷 (в обоих случаях — юечжи.. по-японски — гэсси)¹.

С точки зрения возможных связей между районом обитания юечжей — к западу от Гоби — и «заморскими землями» — южной частью Корейского полуострова и Японскими островами — представляет интерес перенос китайского названия «песчаного моря» — пустыни Гоби «Ханьхай» на «окиян-море, или северное море»² к востоку от восточных берегов Китая.

В этот период, после покорения в 108 г. до н.э. Чосона войсками китайского императора У-ди и подразделения его жителей на китайцев и туземцев ху, начались активные торговые связи Китая с государствами Корейского полуострова, а последних с японским племенным союзом «30 государств», объединенных под властью «царицы Химико»³.

Эти сведения содержатся в китайской хронике I в.— середины III в.н.э. «Вэйчжи» («Описание Вэй»), в которой сообщается, что к востоку от государства Махан расположено государство Чинхан, а к югу — Пёнчин (позднее на их месте возникли Силла и Имна, или, по-японски, Мимана) и что из земли Юечжичинский (цинский.— К.Ч.) ван, назначаемый государством Махан, которое выделило им эту землю на своих восточных пределах, управляет землями Чинхан и половиной Пёнхана при сохранении тесных связей с племенами ва, обитавшими с южной части этих земель, на прилегающих островах и в северной части о, Кюсю («Вэйчжи», цзюань 30, л. 196). Во второй половине IV в. с образованием на месте Махан корейского государства Пэкче, а на месте Чинхана в его восточной части государства Силлачинскийван

перенес свою столицу на юг Корейского полуострова в Мимаки (букв.: замок государя) и создал государство Мимана (букв.: земля государя), а его потомок японский государь Судзин (Мимаки-но Ири-бико) перенес столицу на о. Кюсю, подчинив себе ва.

Утверждается также, что циньцы, или чинцы, были беглыми жителями из областей, прилежащих с севера к Великой Китайской стене, воспринявшими культуру циньского и ханьского Китая и ассимилированными южными корейцами, а не тунгусо-маньчжурами — представителями северных народов, как считает Н. Эгами⁴.

Акцентируя внимание на этом вопросе, японские ученые не обращают внимания на топоним юечжи, имеющий, на наш взгляд, тоже немаловажное значение с точки зрения этногенеза японцев. А между тем, если предположить, что на самом юге Кореи, в частности в Имна, оказались вместе с циньцами вытесненные туда соседними корейскими племенами юечжи, переправившиеся затем вместе с ним в Японию (в северную часть о. Кюсю), то будет ясно, что данный вопрос заслуживает специального рассмотрения. В пользу этого свидетельствует этимология имени японского императора Мимаки-но Ири-пико (посмертное имя — Судзин), годы правления которого в Японии Н. Эгами, в отличие от других историков, относит к началу IV в., полагая, что до этого он правил в Мимаки — столице корейского государства Мимана (по-корейски Имна)⁵.

Однако, согласно вполне обоснованному мнению археолога Юкио Кобаяси, завершение формирования японского этноса следует отнести ко второй половине III в.н.э.— периоду правления императора Одзина. Дело в том, что бляхи от конской сбруи появляются в Японии уже с этого периода, и это позволяет точку зрения Ю. Кобаяси, а вслед за ним и М. Иноуэ о переселении кочевников с континента через Корею в это время считать более справедливой⁶. При этом важным средством передвижения служили кони,

⁴ ИноуэМицусада. Нихонкокка-нокигэн (Происхождение японского государства). Токио, Иванами сётэн, 1966. С. 186; Исида Эйти и др. Симпозиум «Нихонкокка-нокигэн» (Симпозиум «Происхождение Японского государства»), Токио, 1966. С.58.

⁵ Там же. С.200.

⁶ Там же. С.198, 203. Правда, у японского племени во язык, с грамматикой и сингармонизмом гласных, характерными для урало-алтайской семьи, сложился уже в первые века нашей эры. В пользу этой версии свидетельствует надпись на хранящемся в храме Исо-но-ками мече, подаренном, как это явствует из ее текста, наследным принцем Пэкче в 369 г. царице вассального государства Ва.

¹ Там же.

² Кюнгер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С.243.

³ Иакинф (Бичурин). Указ. соч. С.30.

лучшие из которых в Китай издревле импортировались из Ферганы.

Этими переселенцами могли быть юечжи, смешанные с южными корейцами, а также конные кочевники из родственного корейцам тунгусо-маньчжурского племени пуё (по-китайски фую), ушедшие в 346 г. после его разгрома сянь-бийцами вместе с малолетней принцессой в Пэкче. Любопытно, что столица этого государства называлась Пуё, так как ваны этого государства возводили свой род к ванам племени пуё и носили такую же фамилию.

Американские историки — супруги Джон и Алан Ковел — отождествляют эту принцессу с Дзингу, которая стала впоследствии царицей Ямато. Они считают, что ван Пэкче (346–375), опасаясь, что позднее эта принцесса будет оспаривать у него власть, решил использовать ее и ее конников-пуё для объединения под своей властью родственных племен Южной Кореи и Западной Японии, выдав ее замуж за царя Тюай, которого эти историки считают правителем государства Карак (по-японски Кара или Кая). В 369 г. на юге Кая Дзингу с ее конниками-пуё и Тюай основали государство Мимана (по-корейски Имна), а после смерти Тюая предприняли поход в богатую землю Мукацу («землю напротив»), т.е. через о-ва Цусима на о. Кюсю. Там они основали государство Ямато¹, которое позднее возглавил Одзин, сын Дзингу и ее первого министра Такэсиути-но сукунэ.

В ее честь в Центральной Японии на о. Хонсю на месте японского государства Ямато (ныне г. Тэнри префектуры Нара) был сооружен храм Исо-но-ками, именуемый также Храмом божества горы Пуё² (этноним корейцев).

Эта точка зрения американских ученых отличается от традиционной японской точки зрения, изложенной в первых дошедших до нас памятниках японской истории «Кодзики» («Запись о деяниях древности») 712 г. и «Нихонсёки» («Анналы Японии») 720 г., в соответствии с которыми походы Дзингу совершались из Японии в Корею, а не наоборот. Но мнение Джона и Алана Ковелов вдобавок хорошо согласуется с общим направлением миграции материковых племен на Японские острова.

В этот период северокитайское государство, находившееся под властью династии Вэй (220–265), в 229 г. настояло на том, чтобы во главе ушедших

на запад под натиском хунну (сюнну) юечжей в связи с начавшимся распадом заселенных в основном ими Кушанского царства был поставлен государь, признавший верховенство этой династии. Вскоре, в 239 г., после прибытия в китайскую столицу Лоян японского посольства это китайское государство Вэй распространило свое влияние и на Японию, где добилось установления даннических отношений с японцами и активного обмена посольствами³.

Таким образом, японцы и юечжи оказались в пределах фактически одного и того же государственного образования, если включить в него вассальные и полувассальные территории, и это создало благоприятные возможности для их взаимных, прежде всего торговых, связей через Великий Шелковый путь и китайские округа на бывшей территории древнего Чосона.

В китайской хронике «ХоуХань шу» («История Поздней Хань») II в. н.э. имеется фрагмент о племени хан (по-китайски хань), упомянутого вместе с другими корейскими «племенами у Восточного моря» — пуё, кури и мэк. Этот отрывок полностью повторяет такой же фрагмент о племенах сяньби — потомках хунну в упомянутой китайской хронике «Вэйчжи» (III в. н.э.), за исключением этнонима хан, замененного на его новое название воби (с тем же (ва), вторым компонентом, что и сяньби), которое сопоставимо с этнонимом древних японцев во, или воби, живущих на Северном Кюсю, о-вах Цусима и на юге Кореи. Любопытно, что первая часть этнонима сяньби сопоставима со второй частью корейского этнонима и названия древнего корейского государства Чосон (по-китайски Чаосянь).

Из этого можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, китайские историки в этот период стали различать корейцев и японцев, а, с другой стороны, оба эти этнонима восходят к этнониму сяньби, напрямую связанному с хунну, включивших в свой состав образованный слой юечжей. Только такой ход рассуждений позволяет, на наш взгляд, объяснить существование в III в. н.э. на юге Корейского полуострова земли, или общины Юечжи.

В пользу этого свидетельствует также тот факт, что во II–III вв. н.э. в Великой степи, заселенной юечжами, хунну, сяньбийцами и другими племенами, разразилась засуха, превратившая все это пространство в полупустыню и вынудившая жившие там племена откочевать на ее окраины, в том числе и к Восточному морю, в сторону Кореи и Японии.

В связи с этим представляет интерес, общий для не китайских племен Северного и Северо-Восточного

¹ Dr. John Covell and Alan Covell. Korean Impact on Japanese Culture. Japan's Hidden History. Hollym International Corp., New Jersey, Seui, 1990. P.6-23.

² Уэда Масааки. Кикадзин (Пришельцы). Токио. Тюокоронся, 1965. С.50.

³ Тэйкити Ёсида. Теория общности происхождения японцев и корейцев // Гэндай-но эсупури 1966. №11. С.81.

Китая, этноним ху, обозначавший не просто варваров, как это нередко полагают историки, а определенную группу родственных племен, говоривших на языках алтайской семьи — тюркоязычных, монгольязычных и тунгусо-маньчжуроязычных, в том числе обитателей Юга Кореи, а следовательно, и Японии.

Помимо собственно ху — хунну, существовали и восточные ху, жившие к востоку от них, в том числе сяньби и др., разделившиеся в III в. н.э. на более мелкие племена, обитавшие в районе к востоку от южных отрогов Большого Хингана. К восточным ху относилось и племя мохэ. По зафиксированному в VII в. данным, вожди мохэ (черноречных мукрийцев верховьев р. Аргунь) в Маньчжурии назывались бакфур (великие мофу, т.е. мохэ), явно восходящее к иранскому «фагфур» — титулу восточного монарха, эквивалентному китайскому «Сын Неба» (тяньцзы), который мог утвердиться только в итоге длительных межэтнических контактов, т.е. задолго до этого периода¹.

В III в. н.э. на «Большом острове» посреди моря к западу от Корейского полуострова тоже жили «местные ху». Их язык не был похож ни на один из корейских языков, но они носили прически как у сяньби. Они приезжали на полуостров и вели там торговлю².

На рубеже III в. правитель Когурё «принял к себе около 500 семейств беглых ху»³. При этом важно, что, как указывал Н. Я. Бичурин, этнонимом ху китайцы до недавнего времени обозначали «не тюркские племена, а оседлое, не китайское, главным образом согдийское население»⁴.

Сам этот процесс этнокультурных контактов осуществлялся в несколько этапов. Проникновение на Японские острова большой массы переселенцев с Корейского полуострова, завершившей формирование японского этноса, имело место в III–IV в. н.э.

О возможности проникновения юечжийского компонента вместе с восточными ху в районы Кореи и Японии свидетельствует также морфема ну, как в этнониме хунну (сюнну), в наименовании племен корейского государства Когурёсяону, цзюену, гуань-

ну и шуьну и японских племен ну (на), кону (кона) и гоуну (куна), а также влияние буддийских миссионеров из Кушанского царства, основанного юечжами (I–IV вв.), «деятельность которых значительно возросла после II (и IV) собора» буддистов (II в.)⁵ в период, когда в конце IV в. из земли Имна в Японию усилился приток иммигрантов с Азиатского материка.

В пользу возможных контактов юечжей, которых в некоторых источниках именовали также тохарями, с племенами ва свидетельствуют также выявленные Г. Рамstedтом «тохарско-корейские» языковые соответствия: тохарское «maina» — корейское «maine» (чувство); тохарское «swalgaí» — корейское «сва» (левый); тохарское (язык А) «pikal» — тохарское (язык Б) «pikul» — корейское «phul» (год)⁶.

Не менее активно это влияние, также опосредованное через южную часть Корейского полуострова, шло из китайского царства У (по-японски Го, или Курэ) (221–265), унаследовавшее традиции ханьского Китая. Особенно сильно это влияние проявилось после падения царства У под ударами войск царства Цзинь (265–420). В 280 г. прекратила свое существование династия Вэй, и к власти пришла новая династия Цзинь. После этого в 287 г. в Японию через Корею устремился поток узких беженцев⁷. Не исключено, что среди них были не только китайцы, но и юечжи и иные представители народов Средней и Центральной Азии,

В пользу этого свидетельствует также история других элементов духовной культуры — музыкального и театрального искусства, в первую очередь гигаку (букв.: виртуозная музыка), в особенности его составной части — «шестивия масок», завезенных по инициативе членов царского рода У.

«Разумеется, что это искусство не само пришло в Китай из «Западного края», его принесли с собой певцы и певицы, танцовщики и танцовщицы, музыканты, мимы, скоморохи... — писал академик Н. И. Конрад. — Нам известна история проникновения музыкального и театрального искусства «Западного края» в Китай. Следы такого проникновения обнаруживаются еще во II–I вв. до н.э. с IV в., когда северную половину этой страны заняли племена и народности, связанные с различными узлами с далеким азиатским Западом, переход туда всяких песен и плясок стал особенно интенсивным»⁸.

⁵ Иофан Н.А. Культура древней Японии. М., 1974. С.89.

⁶ Восточный Туркестан в древнем и раннем средневековье. М., 1992. С.16.

⁷ Там же. С.31.

⁸ Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1966. С.355.

¹ Шавкунов Э.В. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчжэней // Проблемы древних культур Сибири. Владивосток, 1985. С. 140.

² Пак М.Н. Указ.соч. С. 131.

³ Воробьев М.В. Древняя Корея. М., 1961. С.98 (со ссылкой на китайскую хронику «Бэй шу» («История северных династий»)).

⁴ Бернштам А.Н., Кюннер Н.В. Н.Я.Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Введение к одноименной работе Н.Я.Бичурина. Т.1. М.-Л., 1950. С.

Н. И. Конрад пишет далее, что «в Японии считают эти маски изображением «типов варваров», но не представителей алтайских народностей, так как они воспроизводят арийский тип»¹, причем некоторые из них индоиранский и греческий (как и японский растительный орнамент типа каракуса), а маска льва — ассирийский, заимствованный эллинистическими государствами Передней и Средней Азии. Имеется в виду прежде всего два государства. Во-первых, это — Греко-Бактрийское царство, основанное в 250 г. до н.э. под таким названием на месте завоеванной в 330–327 гг. до н.э. Александром Македонским провинции державы Селевкидов. Во-вторых, это — до его исчезновения в 130–140 гг. до н.э. под ударами масагетских племен, прежде всего юечжей, — Кушанское царство². В искусстве гигаку одним из главных героев является Суйко, государь, которому подчинялась Гандхара, т.е. государь Кушанского царства³. Это искусство оказало значительное влияние с XIV в. на японский традиционный театр «Но» и с XVII в. «Кабуки».

То же самое можно сказать и о стиле самаи (букв.: левый, т.е. западный танец) театрального представления бугаку (букв.: танец и музыка), также происшедшего из Средней Азии. К нему относятся 24 из 61 танцев бугаку, исполняющихся до сих пор при императорском дворе и в буддийских храмах Японии⁴.

Развив тенденции, возникшие под влиянием среднеазиатских и индийских компонентов в китайской музыке, древнеяпонская музыка гигаку на много веков опередила европейскую музыку в разработке структуры музыкального произведения, приблизившись к сонатной форме задолго до И. Баха, В. Моцарта, И. Гайдна и др. гениальных композиторов⁵.

Пришедший из Китая вместе с проповедью махаяны эстетический идеал, сложившийся в колыбели махаянистского вероучения — Гандхаре (Кушанское царство), находит в Японии благоприятную почву⁶ не только в духовной, как это было показано, но и в материальной культуре. Это получает свое отражение в строительстве могильных курганов в Японии II в. до н.э. — VII в. н.э. «Грандиозные курганные сооружения, столь характерные для Японии этого периода, — отмечает М. В. Воробьев, — распростране-

ны в Корее, в Маньчжурии, в Китае. В Корее известны почти все типы японских курганов: сферические земляные и каменные, квадратные в основании, пирамидальные (3), нет лишь квадратно-круглых курганов»⁷.

Махмуд Зийюд-Нарагхи считает, что такие курганы, являющиеся символом Космической горы (в буддизме ей соответствует гора Сумеру), сопоставимы с искусственными насыпями в персидских городах Парфянской и Сасанидской держав. Эти насыпи возникли под влиянием зороастризма и восходят по своей конструкции к зиккуратам. Аналогичные сооружения были известны в древности скифам, монголам, а затем и сибирским татарам. В средневековой Японии ее моделью является искусственная насыпь в каменном саду, ставшим в Японии традиционным укоренением чань-буддизма (по-японски дзэн-буддизма).

На основании сравнительного изучения большого материала по данной проблематике М. Зийюд-Нарагхи приходит к выводу, что сходство в рассмотренных явлениях «между древней Персией и древней Японией представляет собой результат предполагаемого переселения метисизированных арабских племен из Центральной Азии в период Яёи»⁸.

О влиянии связей с Кушанским царством свидетельствует типология японской живописи и скульптуры: — целый ряд рисунков на лакированных изделиях с декоративными и криволинейными узорами в виде многоугольных фигур и бронзовых, деревянных и лаковых образцов, датируемых V-II-VIII вв., буддийской богини милосердия Каннон (Авало-китешвара), образцом которых⁹ служит ее позолоченная бронзовая статуя в храме Якусидзи (г. Нара), и бодхисатвы мысли Мондзю (Манджушри)¹⁰.

Добавим к этому, что культ персонифицированного космоса, характерный для японцев и алтайских народов, в частности хунну (титул их вождя — «рожденный Небом и Землею, поставленный Солнцем и Луною»), по мнению Л. Н. Гумилева, «заимствован хуннами у западных соседей, юечжей или динлинов»¹¹, т.е. индоевропейцев, ибо восточные монголоиды изначально такого культа, будучи полиспиритуалистами, не имели.

⁷ Воробьев М.В. Древняя Япония. М., 1961. С.99.

⁸ Zijood-Naraghi M. A. Study on the Idea of the «Cosmic Mountain»: Regardim the Communication of Garden Culture between Ancient Japan and Pefrsia // Transactions of the Conference of Orientalists of Japan. №XXXITokyo. 1986 P.126-127.

⁹ Иофан Н.А. Культура древней Японии. С. 172. 200-201

¹⁰ Там же. С. 154.

¹¹ Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960. С.94.

¹ Там же, С.359.

² Там же. С.360-362.

³ Иофан Н.А. Указ.соч. С.212.

⁴ Там же. С.217.

⁵ Там же. С.235.

⁶ Там же. С. 172.

Искусство юечжей, возможно, оказало влияние и на имеющее отношение к «звериному стилю» у хунну изображения оленя на ритуальных колоколах «дотаку» и серебряных украшениях, которые употреблялись на Японских островах, в южной части Корейского полуострова и в Восточной и Центральной Азии. У этих оленей — своеобразная поза в профиль с повернутой в фас головой

Академик А. П. Окладников высказывал по этому вопросу такую, хотя и не бесспорную, точку зрения: «Характерные приемы скифского мастерства берут свое начало в художественном производстве Ассирии и Элама, Индии, Ирана и Вавилона. Каковы же были размах и сила этих культурных связей, если одни и те же образцы золоторогого оленя, одни и те же солнечные мифы и одинаковый художественный стиль захватили колоссальные пространства Европы и Азии, от Дуная до Гоби? И какой народ или народы соединяли в то время Восток и Запад?...

Может быть, они принадлежали каким-то древним ираноязычным племенам, родичам скифов и саков... Может быть, это были западные большие юечжи — индоевропейцы по происхождению, в имени которых звучит название нефрита юй. Ведь именно большие юечжи, эти предприимчивые пастухи и воины, обладатели неисчислимых стад скота и драгоценного нефрита, владели странами, лежавшими на восточном участке Великого Шелкового пути¹.

Это мнение подтверждает историк П. Б. Коновалов. «Распространение памятников «звериного стиля» у хунну, — пишет он, — связывается... с проникновением в Центральную Азию юечжей, одного из подразделений саков, не позднее V в. до н.э., продвинувшихся до Ордоса, к Великой Китайской стене, но к концу III в. до н.э. изгнанных оттуда хунну...»², чье искусство в огрубевших реликтах ранее созданных образов «живет, как предполагается, на восточной окраине своего распространения»³.

Среди предметов культа, проникавших с материка, важным представляется рассмотрение бронзовых зеркал, которым приписывались магические функции как изображению богини Солнца⁴.

¹ Окладников А.П. Олень - золотые рога. Хабаровск. 1989. С.165.

² Кюннер Н.З. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С.243.

³ Там же. С.215

⁴ UmeharaSueji. Ancient Mirrors and their Relationship to Early Japanese Culture // Acta Asiatica. 1963. №4, P. 70-79; Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии. М., 1988. С.14.

Э. В. Шавкунов, приводя много примеров миграции юечжей на Дальний Восток и внедрения их культуры начиная с периода, когда здесь существовало государство Бохай (698–926), полагает, что до этого для северных районов Цзянсу, Шаньдуна, Ляодуна, Юго-Восточной Маньчжурии. Южного Приморья, Кореи и Японских островов были характерны специфические «бронзовые зеркала с двумя, тремя и даже четырьмя «периферийно» расположенными на их тыльной стороне держателя в виде петельчатых ушков или полусфер с отверстиями и с зонально помещенным геометрическим орнаментом из различного рода комбинаций зигзагов и угольников, известных среди китайских и корейских археологов под названием «тонкого узора» (это связывается с гипотезой, что в этом ареале культуры, именуемой по первым археологическим материалам одного из районов Токио культурой Яёи, совпадающим с районами распространения таких зеркал, в древности обитали мигрировавшие из Юго-Восточной Азии аустронезийские племена сушеней, которые являются предками аборигенов Японии — протоайнов)⁵.

Однако сходные непривозные миниатюрные зеркала с петельчатой ручкой или с полусферическим выступом с отверстием и тонкими штрихами-зубчиками («тонкий узор») были обнаружены при раскопках в 1951–1958 гг. могильников Западной Ферганы⁶ не говоря уже о найденных там же привозных ханьских «восьмиарочных» и других зеркалах⁷, которыми начиная с рубежа нашей эры пользовались не только юечжи Средней и Центральной Азии, но и народы Дальнего Востока, включая корейцев⁸ и японцев⁹. Зеркало являлось воплощением и атрибутом женского божества Солнца — Аматаэрасу в Японии и Митры или богини его круга в Средней Азии. С культом Солнца связан и орнамент бронзовых зеркал древнего Чосона (Корея) VI-I вв. до н.э.¹⁰

⁵ Шавкунов Э.В. Сушэни — праайны (К постановке проблемы). Владивосток, 1990. С.21.

⁶ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978. С.74-75, 103. Таблицы 16/5, 16/7, 25/1, 25/.

⁷ Там же. С. 102-103. Таблицы 23-24.

⁸ Воробьев М.В. Древняя Корея. М., 1961. С.-36-39, 41, 50, 52. Сравните с рис. XIV9, XXVI и XXXIX/16.

⁹ Древняя Япония. М., 1958. С.61, 63, 65. Сравните с рис. XX/8, XXIII/1, XIV/7, XXV/1 и XXVII/1.

¹⁰ Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики (Стелла Квангэтхована). М., 1979. С.104.

О наличии своеобразных женских изображений (статуэток) с зеркалом в Бактрии и Согде писал, в частности, и Б. А. Литвинский, который писал, что в Китае зеркала, хотя и служили также атрибутом женского божества, причем не Солнца его воплощением не являлись¹.

Влияние юечжей (гандхарского искусства) с III в.н.э. испытали, по-видимому, и проникшие в Японию в VI в. после сяньбийского ренессанса и японские шахматы «сёги» (кит.сянци). Дело в том, что на доске, полированной, как зеркало, и некогда календарно-гадательной, олицетворявшей космос с «Небесной рекой» (Млечный путь) посередине, появились такие фигуры, как «летающие колесницы» (аналог ладьи) и фигуры, передвигавшиеся как слон. Ранее в центре этой «реки» изображалась перевернутая, как при отражении в зеркале, созвездие Большая Медведица с Полярной звездой — символом владыки неба («тэнно»).

Традиционно считается, что дальневосточные шахматы современного типа (сянци, япон. сёги) — фигуры-образы — были изобретены в 569 г. В официальной китайской историографии они приписываются императору У-ди (560–578) сяньбийской династии Северная Чжоу.

Принципиально новым в этих шахматах явилась игра партнеров аналогично действиям полководца в реальных сражениях². В этом, в частности, нашел свое отражение качественный скачок в эволюции человека — осознание им в модели космоса своей активной роли по отношению к окружающему миру.

В течение почти двух веков (386–581) под властью сяньбийской династии находилась огромная территория от Ферганы до Корейского полуострова. В последние три десятилетия данного периода сяньбийское государство Северная Вэй разделялось на западную и восточную части — Северная Ци и Северная Чжоу. Сяньбийцам принадлежит важная роль в трансформации древнекитайской культуры. Существенное значение в этом процессе имело распространение чань-буддизма. Большую роль в жизни сяньбий-цев играли войны, что нашло свое отражение в характере шахмат нового типа, появившихся в восточной части азиатской эйкумены, связанной с ее западной частью — Великим Шелковым путем.

В этот период в государствах Северного Китая образованный человек должен был разбираться в астрологии, рисовать, играть в шахматы и разговари-

вать по-сяньбийски. Сходный процесс, по-видимому, происходил несколько позднее в Корее и Японии, где также опосредованная сяньбийцами китайская культура вступала в более тесное взаимодействие с культурой аборигенов, находившейся под сильным влиянием буддизма³.

Академик А. П. Окладников после археологической экспедиции 1957 г. на приток р. Ангары р. Унга писал о проникновении юечжей и их культуры в Прибайкалье и Монголию: «Вместе с глиняными светильниками на Унгенайдены и металлические, из тонких листов железа, четырехугольные, с вогнутыми сторонами... Светильники такого рода... характерны для средневековых поселений Средней Азии... Грубые чиряги-светильники, изготовленные из простой глины, не были доставлены на Унгу, подобно стеклянным кувшинам, из далеких стран, они явно выделялись здесь же, на месте»⁴. Как установлено специальными антропологическими исследованиями, в могилах на городище Улан-Бор на р. Унга были захоронены не монголоиды, тюрки, а европеоиды, и притом обладавшие чертами определенного расово-этнического типа — таджикско-согдийского⁵.

В начале 50-х годов А. П. Окладников обратил также внимание на то, что некоторые керамические изделия сохраняют целый ряд общих черт с подобными изделиями из Средней Азии.

«За прошедшие с тех пор годы,— писал Э. В. Шавкунов,— собран огромный археологический материал, подтверждающий наличие в культуре средневекового населения Дальнего Востока СССР элементов среднеазиатского происхождения. Более того, сейчас уже можно со всей определенностью говорить о согдийско-хотанском и древнеиранском происхождении этих элементов...»⁶.

На Шангинском городище в Приморском крае при раскопках найдена чаша, боковая ручка которой является стилистически родственной ручке бронзового котелка иранских саков IV–III вв. до н.э. из стоянки Амчура II на Памире и Гильгита в Северной Индии⁷.

³ Черевко К.Е. У истоков шахматной игры // Наука и религия. 1991. №6.

⁴ Окладников А.П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (Согдийская колония на р. Унге?) // Тюркологические исследования АН СССР. М., 1963. С.276.

⁵ Там же. С.278-279.

⁶ Шавкунов Э.В. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчженей // Проблемы древних культур Сибири. Владивосток, 1985. С. 140.

⁷ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. С.45-49.

¹ Литвинский Б.А. Указ.соч. С. 109-112.

² Как это имело место при возникновении индийских протошахмат и чатуранги из игр «Аштапада» и «Петейя», занесенных в Бактрию воинами Александра Македонского.

«К середине I тыс. н.э. вдоль всей трассы центрально-зиатской части Великого Шелкового пути вплоть до Ордоса появляются многочисленные согдийские фактории и колонии, призванные обеспечивать безопасность прохождения торговых караванов. Из Ордосасогдийцы уже беспрепятственно достигали не только обширных районов Центрального Китая, но и Корейского полуострова. Свидетельством этому могут служить датируемые VI–VIII вв. н.э. находки в Корее черепичных дисков облицовочных кирпичей с демоническими личинами»¹ аналогичные изображениям на юечжийских и хотанских керамических и металлических медальонах², которые доставлялись в обмен прежде всего на пушнину, особенно соболей — исконный продукт промысла тунгусов Сибири и Дальнего Востока, и продукцию скотоводства.

Путь, по которому издавна осуществлялся этот обмен, пролегал немного севернее основных трасс Великого Шелкового пути из Семиречья через Алтай, Западную Монголию, далее по реке Селенга (г. Бай-Балык), отсюда на север к левому притоку Ангары реке Унга и на восток в верховья р. Орхон и далее к верховьям рек Толу, Керулен, озеру Далай-Нор и р. Онон. Этот путь позволял выйти к Большому Хингану и Забайкалью, а отсюда по рекам в самые разные районы Приамурья и Приморья, Маньчжурии, Кореи и по морю через Цусимский пролив к Японии (два одинаковых, судя по прорисовке на полурамке, бронзовых зеркала найдены в Минусинской котловине и в Читинской областях)³.

Колония юечжей, где хранилась, сортировалась и готовилась к отправке дальневосточная продукция, недавно обнаружена в Приморском крае на р. Арсеньевка (в Ану-чинском районе вблизи Новогордеевского городища)⁴. Предположительно такие же колонии были созданы, исходя из упомянутой находки у с. Кути в Приаргуньском районе Читинской области, у слияния рек Аргуни и Шилка, а также в районе древнего города

Угочана (буквально Город пяти владений) в маньчжурской провинции Хэйлунцзян вблизи слияния рек Сунгари и Мудацзян (ныне Илань). В пользу последней гипотезы свидетельствует этноним китайских хроник уго (пять владений) — калька с названия процветавшего города юечжей Пенджикент. Жители Угочана различались по языку, одежде, жилищам и способу обработки земли резко отличались от окружающих тунгусо-маньчжурских и корейских племен и занимались торговлей с «северными варварами»⁵.

Считается, что Приамурье, изобилующее болотами, юечжи прочно освоили к середине I тысячелетия н.э. Об этом свидетельствуют укоренившийся у тюрков и китайцев юечжийский этноним обитавших здесь татар: у первых шибэр, или шивэр, а у вторых — шивэй (по-таджикски «болото», «заболоченное место»), а также найденный несколько лет тому назад в Хабаровском крае клад серебряных среднеазиатских монет, отчеканенных в подражание сасанидским драхмам Пароза и Варахрана V⁶, находки в Приамурье и Приморье дольчатой керамики с расчленением ее неглубокими вертикальными ложками на несколько долек, аналогичных ложчатым мискам, характерным для посуды юечжей⁷.

Это позволяет вполне обоснованно связывать появление на юге Приморья в раннем средневековье дольчатой керамики с продвижением сюда колонистов-юечжей. В результате этого на некоторых созданных на Дальнем Востоке факториях возникли разные, включая керамические, ремесленные центры, продукция которых предназначалась для меновой торговли с местным населением⁸.

Итак, различные этнические и культурные факторы — алтайские, австронезийские, айнские и индоевропейские, как видно из приведенных материалов, оказали в отношении Японии через Корейский полуостров определенное влияние на этнокультурный облик японского этноса. В результате этого последний приобрел ряд черт, типологически сходных с юечжийским, что выделяет его среди других монголоидов в некоторых существенных особенностях. Яркий тому пример — синкретизм в культурных заимствованиях при сохранении своего традиционного наследия, в особенности из более развитого Китая. Это видно, в частности, на примере усвоения в Японии китайской иероглифической письменности и китайского письменно-литературного языка.

⁵ Там же. С.74-75.

⁶ Там же. С.73, 75

⁷ Маршак 5.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной-торевтике. М.,1971. С. 40-41

⁸ Шавкунов Э.В. Согдийско-иранские элементы... С. 151-152.

¹ Шавкунов Э.В. Указ.соч. С. 149 со ссылкой на: Глухарев-ва О.Н. Искусство Кореи от древнейших времен до конца XIX в. М., 1982. Илл. 25, 33, 92.

² Киселев С. В. Из истории китайской черепицы // Советская археология. 1959. №3. С. 170-177.

³ Шавкунов Э.В. Указ.соч. С. 150; Он же. Великий Шелковый путь и соболя дорога согдийцев // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы доклада международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990. С.74.

⁴ Шавкунов Э.В. Согдийская колония в Приморье VIII-X вв // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1983. С. 100-105.

Библиография

1. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1981. С. 3, 116. Иллич — Свитыч. Этимология. М., 1968.
2. Арутюнов С. А. К оценке роли миграций в древней истории Японии // Советская этнография. 1960. № 1. С. 60–67,
3. Оно Сусуму. Нихонго-но кигэн (Происхождения японского языка). Токио, 1970. С.139–145, 199;
4. Дзидайбэцу кокуго дзи-тэн. Дзэдайхэн (Словарь отечественного языкознания. Древность). Токио, 1971. С. 17;
5. Komatsu Isao. The Japa-nese people. Origins of the people and the language. Tokyo. 1962. P.59:
6. Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. М., 1972. С 15:
7. Нихонго-но рэкиси, 1. Миндзоку-но котоба-но тандзэ (История японского языка, 1. Рождение языка эт-носа). Токио, 1965. С.90–111:
8. Черевко К. Е. Звуко-и образоподражательные наречия в современном японском языке // Ученые записки Института международных отношений. Вып. 11. М., 1953. С. 152; Киле М. Б. Образные слова нанайского языка. Л.. 1973. С.73;
9. Азербайев Э. Г. Во-просы японо-тюркских языковых связей // Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. филологич. н. Алма-Ата, 1975. С.7–10.
10. Конрад И. И. Избранные труды. История. М., 1974. С.301.
11. Спесваковский А. Б. «Айнская проблема» и айны в этнической истории дальневосточного региона на основании новейших данных. СПб., 1992 (машин. рукопись). С.47.
12. Варенов А. В. Функционировал ли «Шелковый путь» в бронзовом веке? Новосибирск, 1983. С.4.
13. Левин М. Г. Этническая антропология Японии. М., 1971. С. 189.
14. Эгами Намио. Гэсси то гёку (Юечжи и нефрит) // Адзия бункаси кэнкю (Исследования по истории культуры Азии). Токио, 1961. С.123–131.
15. А. Н. Зелинский. Русско-евразийская ось истории: «о монографии Ю. Н. Рериха «История Средней Азии» // Мир и политика, 2009, № 2. С. 106.
16. Воробьев М. В. Япония III-VII вв. М., 1980. С.79.
17. Степугина Т. В. Китай в конце III-начале I в. до н.э. // Все-мирная история. Т.II, гл. XV. М., 1956. С.507.
18. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник для истории Средней Азии // Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 1962. С.9.
19. «Ши цзи» («Исторические записки»). Гл. 123. С. 1а.
20. Ю. Н. Рерих вслед за буддийским монахом Кумараджива считал тохарским язык тех юечжей, что не откочевали после нашествия хунну // Сборник памяти Е. А. Бертельса. М., 1964. С.121.
21. «Цао Тан шу» («Старые тайские истории»), Гл. 40. С.376.
22. Pulleyblank E. A. Sogdian colony in Inner Mongolia // Tung Pao. Vol.XLI. 1952. P.317–356.
23. Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкаль-ья в тюркское время (Согдийское поселение на Урге?) // История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976. С. 34–43.
24. Деревянко Е. И. Тюркские элементы в погребальном об-ряде амурских племен-1 тыс. до н.э. Новосибирск, 1970. С.118–128.
25. Шавкунов Э. В. Согдийская колония в Приморье VIII–X вв. // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1988. С. 100–105;
26. Шавкунов Э. В. Великий шелковый путь и соболья дорога согдийцев // Формирование и развитие трасс Ве-ликого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы доклада международного се-минара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990. С.74;
27. Глухарева О. Н. Искусство Кореи от древнейших времен до конца XIX в. М., 1982. Иллюстрации 25, 33, 92.
28. Малявкин А. Г. Согдийский торговый союз // Информа-ционный бюллетень Международной ассоциации по изучению истории культуры Средней и Центральной Азии. Вып.15. М., 1988. С.54.
29. Иакинф (Бичурин). Китайские известия о народах, оби-тавших в Средней Азии и Южной Сибири в древние времена. Т. 2. М., 1950. С. 10–11 (ссылка на «Ши цзи». Л. 115).
30. Пак М. Н. Описание корейских племен, начало нашей эры // Советское востоковедение. 1961. № 1. С. 127–128,

31. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С.243.
32. Иноуэ Мицусаса. Нихон кокка-но кигэн (Происхождение японского государства). Токио, Иванами сётэн, 1966. С. 186;
33. Исида Эйти и др. Симпозиум «Нихон кокка-но ки-гэн» (Симпозиум «Происхождение Японского государства»), Токио, 1966. С.58.
34. Dr. John Covell and Alan Covell. Korean Impact on Japa-nese Culture. Japan's Hidden History. Hollym International Corp., New Jersey, Seui, 1990. P.6–23.
35. Уэда Масааки. Кикадзин (Пришельцы). Токио. Тью коронся, 1965. С.50.
36. Тэйкити Ёсида. Теория общности происхождения японцев и корейцев // Гэндай-но эсупури 1966. № 11. С.81.
37. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993. С.290;
38. Шавкунов Э. В. Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в МП вв. н.э. // Труды Сибирского отделения АН СССР. Дальневосточный филиал. Сер. истории. Т. 1. Саранск, 1959. С.47.
39. Шавкунов Э. В. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчженей // Проблемы древних культур Сибири. Владивосток, 1985. С. 140.
40. Воробьев М. В. Древняя Корея. М., 1961. С.98 (со ссылкой на китайскую хронику «Бэй шу» («История северных династий»).
41. Бернштам А. Н., Кюннер Н. В. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Введение к одно-именной работе Н. Я. Бичурина. Т. 1. М.— Л., 1950.
42. Иофан Н. А. Культура древней Японии. М., 1974, С.89.
43. Восточный Туркестан в древнем и раннем средневековье. М., 1992. С.16.
44. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966. С.355.
45. Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1961. С.99.
46. Zijood-Naraghi M. A. Study on the Idea of the «Cosmic Mountain»: Regarding the Communication of Garden Culture between Ancient Japan and Persia // Transactions of the Conference of Orientalists of Japan. № XXXI Tokyo. 1986 P.126–127.
47. Иофан Н. А. Культура древней Японии. С. 172. 200–201
48. Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960. С.94.
49. Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1958.
50. Рис, XI № 10;
51. Воробьев М. В. Древняя Корея. М.. 1961.
52. Рис. XXIII. № 4.5.
53. Окладников А. П. Олень-золотые рога. Хабаровск. 1989. С.165.
54. Кюннер Н. З. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С.243.
55. Umehara Sueji. Ancient Mirrors and their Relationship to Early Japanese Culture // Acta Asiática. 1963. № 4, P. 70–79; Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М. История Японии. М., 1988. С.14.
56. Шавкунов Э. В. Сушэни — праины (К постановке проблемы). Владивосток, 1990. С.21.
57. Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978. С.74–75, 103. Таблицы 16/5, 16/7, 25/1, 25/.
58. Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики (Стелла Квангэтхована). М., 1979. С.104.
59. Черевко К. Е. У истоков шахматной игры // Наука и религия. 1991. № 6.
60. Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (Согдийская колония на р. Унге?) // Тюркологические исследования АН СССР. М., 1963. С.276.
61. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. С.45–49.
62. Киселев С. В. Из истории китайской черепицы // Советская археология. 1959. № 3. С. 170–177.
63. Шавкунов Э. В. Великий Шелковый путь и соболья дорога согдийцев // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы доклада международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990. С.74.
64. Шавкунов Э. В. Согдийская колония в Приморье VIII–X вв // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1983. С. 100–105.

65. Маршак 5.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной тюревтике. М., 1971. С. 40–41
66. Корень Р. В. Цивилизация в ракурсе этногенеза как источника культуры // NB: Проблемы общества и политики.— 2013.— 6.— С. 159–192. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_715.html
67. Манойло А. В. Ценностные основы управления межкультурными конфликтами: российская модель // NB: Международные отношения.— 2012.— 1.— С. 32–43. DOI: 10.7256/2306-4226.2012.1.279. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_279.html

References (transliterated)

1. Starostin S. A. Altaiskaya problema i proiskhozhdenie yaponskogo yazyka. M., 1981. S. 3, 116. Illich — Svitych. Etimologiya. M., 1968.
2. Arutyunov C. A. K otsenke roli migratsii v drevnei istorii Yaponii // Sovetskaya etnografiya. 1960. № 1. S.60–67,
3. Ono Susumu. Nihongo-no kigen (Proiskhozhdeniya yaponskogo yazyka). Tokio, 1970. S.139–145, 199;
4. Dzidaibetsu kokugo dzi-ten. Dzedaikhen (Slovar) otechestvennogo yazykoznaneya. Drevnost'). Tokio, 1971. S. 17;
5. Komatsu Isao. The Japa-nese people. Origins of the people and the language. Tokyo. 1962. P.59:
6. Syromyatnikov H. A. Drevneyaponskii yazyk. M., 1972. S 15:
7. Nihongo-no rekisi, 1. Mindzoku-no kotoba-no tandze (Istoriya yaponskogo yazyka, 1. Rozhdenie yazyka et-nosa). Tokio, 1965. S.90–111:
8. Cherevko K. E. Zvuko-i obrazopodrazhatel'nye narechiya v sovremennom yaponskom yazyke // Uchenye zapiski Instituta mezhdunarodnykh ot-noshenii. Vyp. 11. M., 1953. S. 152; Kile M. B. Obraznye slova nanaiskogo yazyka. L.. 1973. S.73;
9. Azerbaev E. G. Vo-prosy yaponno-tyurkskikh yazykovykh svyazey // Avtoreferat diss. na soisk. uch. st. k. filologich. n. Alma-Ata, 1975. S.7–10.
10. Konrad I. I. Izbrannye trudy. Istoriya. M., 1974. S.301.
11. Spevakovskii A. B. «Ainskaya problema» i ainy v etnicheskoi istorii dal'nevostochnogo regiona na osnovanii noveishikh dannyykh. SPb., 1992 (mashin. rukopis'). S.47.
12. Varenov A. B. Funktsioniroval li «Shelkovyi put'» v bronzovom veke? Novosibirsk, 1983. S.4.
13. Levin M. G. Etnicheskaya antropologiya Yaponii. M., 1971. S. 189.
14. Egami Namio. Gessi to geku (Yuechzhi i nefrit) // Adzia bunkasi kenkyu (Issledovaniya po istorii kul'tury Azii). Tokio, 1961. S.123–131.
15. A. N. Zelinskii. Russko-evraziiskaya os' istorii: «o monografii Yu. N. Rerikha «Istoriya Srednei Azii» // Mir i politika, 2009, № 2. S. 106.
16. Vorob'ev M. V. Yaponiya III-VII vv. M., 1980. S.79.
17. Stepugina T. V. Kitai v kontse III-nachale I v. do n.e. // Vse-mirnaya istoriya. T.II, gl. XV. M., 1956. S.507.
18. Klyashtorni S. G. Drevnetyurkskie runicheskie pamyatniki kak istochnik dlya istorii Srednei Azii // Avtoreferat diss. na soisk. uch. st. k.i.n. M., 1962. S.9.
19. «Shi tszi» («Istoricheskie zapiski»). Gl.123. S. 1a.
20. Yu.N.Rerikh vsled za buddiiskim monakhom Kumaradzhiya schital tokharskim yazyk tekh yuechzhei, chto ne otkochevali posle nashestviya khunnu // Sbornik pamyati E. A. Bertel'sa. M., 1964. S.121.
21. «Tsao Tan shu» («Starye taiskie istorii»), Gl.40. S.376.
22. Pulleyblank E. A. Sogdian colony in Inner Mongolia // Tung Pao. Vol.XLI. 1952. P.317–356.
23. Okladnikov A. P. Novye dannye po istorii Pribaika-l'ya v tyurkskoe vremya (Sogdiiskoe poselenie na Urge?) // Istoriya i kul'tura Buryatii. Ulan-Ude, 1976. S. 34–43.
24. Derevyanko E. I. Tyurkskie elementy v pogrebal'nom ob-ryade amurskikh plemen-1 tys. do n.e. Novosibirsk, 1970. S.118–128.
25. Shavkunov E. V. Sogdiiskaya koloniya v Primor'e VIII–X vv. // Materialy po etnokul'turnym svyazyam narodov Dal'nego Vostoka v srednie veka. Vladivostok, 1988. S. 100–105;
26. Shavkunov E. V. Velikii shelkovyi put' i sobol'ya doroga sogdiitsev // Formirovanie i razvitie trass Ve-likogo shelkovogo puti v Tsentral'noi Azii v drevnosti i srednevekov'e. Tezisy doklada mezhdunarodnogo se-minara YuNESKO. Tashkent, 1990. S.74;
27. Glukhareva O. N. Iskusstvo Korei ot drevneishikh vremen do kontsa XIX v. M., 1982. Illyustratsii 25, 33, 92.

28. Malyavkin A. G. Sogdiiskii torgovyi soyuz // Informa-tсионnyi byulleten» Mezhdunarodnoi assotsiatsii po izucheniyu istorii kul'tury Srednei i Tsentral'noi Azii. Vyp.15. M., 1988. S.54.
29. Iakinf (Bichurin). Kitaiskie izvestiya o narodakh, obi-tavshikh v Srednei Azii i Yuzhnoi Sibiri v drevnie vremena. T.2. M., 1950. S. 10–11 (ssylka na «Shi tsi». L.115).
30. Pak M. N. Opisanie koreiskikh plemen, nachalo nashei ery // Sovetskoe vostokovedenie. 1961. № 1. S. 127–128,
31. Kyuner N. V. Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibi-ri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka. M., 1961. S.243.
32. Inoue Mitsusada. Nihon kokka-no kigen (Proiskhozhdenie yaponskogo gosudarstva). Tokio, Ivanami seten, 1966. S. 186;
33. Isida Eiti i dr. Simpozium «Nihon kokka-no ki-gen» (Simpozium «Proiskhozhdenie Yaponskogo gosudarst-va»), Tokio, 1966. S.58.
34. Dr. John Covell and Alan Covell. Korean Impact on Japa-nese Culture. Japan's Hidden History. Hollym International Corp., New Jersy, Seui, 1990. P.6–23.
35. Ueda Masaaki. Kikadzin (Prishel'tsy). Tokio. Tyuo koronsya, 1965. S.50.
36. Teikiti Esida. Teoriya obshchnosti proiskhozhdeniya yapon-tsev i koreitsev // Gendai-no esupuri 1966. № 11. S.81.
37. Gumilev L. N. Ritmy Evrazii. Epokhi i tsivilizatsii. M., 1993. S.290;
38. Shavkunov E. V. Primor'e i sosednie s nim raiony Dunbeya i Severnoi Korei v MP vv. n.e. // Trudy Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Dal'nevostochnyi fi-lial. Ser. istorii. T.1. Saransk, 1959. S.47.
39. Shavkunov E. V. Sogdiisko-iranskie elementy v kul'ture bokhaitsev i chzhurchzhenei // Problemy drevnikh kul'tur Sibiri. Vladivostok, 1985. S. 140.
40. Vorob'ev M. V. Drevnyaya Koreya. M., 1961. S.98 (so ssyl-koi na kitaiskuyu khroniku «Bei shu» («Istoriya severnykh dinastii»).
41. Bernshtam A. N., Kyuner N. V. N. Ya.Bichurin (Iakinf) i ego trud «Sobranie szedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena». Vvedenie k odno-imennoi rabote N. Ya.Bichurina. T.1. M.— L., 1950.
42. Iofan H. A. Kul'tura drevnei Yaponii. M., 1974, S.89.
43. Vostochnyi Turkestan v drevnem i rannem sredneveko-v'e. M., 1992. S.16.
44. Konrad N. I. Zapad i Vostok. M., 1966. S.355.
45. Vorob'ev M. V. Drevnyaya Yaponiya. M., 1961. S.99.
46. Zijood-Naraghi M. A. Study on the Idea of the «Cosmic Mountain»: Regardim the Communication of Garden Culture between Ancient Japan and Pefrsia // Transactions of the Conference of Orientalists of Japan. № XXXI Tokyo. 1986 P.126–127.
47. Iofan N. A. Kul'tura drevnei Yaponii. S. 172. 200–201
48. Gumilev L. N. Khunnu. M., 1960. S.94.
49. Vorob'ev M. V. Drevnyaya Yaponiya. M., 1958.
50. Ris, XI № 10;
51. Vorob'ev M. V. Drevnyaya Koreya. M.. 1961.
52. Ris. XXIII. № 4.5.
53. Okladnikov A. P. Olen'-zlotye roga. Khabarovsk. 1989. S.165.
54. Kyuner N. Z. Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibi-ri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka. M., 1961. S.243.
55. Umehara Sueji. Ancient Mirrors and their Relationship to Early Japanese Culture // Acta Asiatica. 1963. № 4, P. 70–79; Kuznetsov Yu.D., Navlitskaya G. B., Syritsyn I. M. Istoriya Yaponii. M., 1988. S.14.
56. Shavkunov E. V. Susheni — praainy (K postanovke problemy). Vladivostok, 1990. S.21.
57. Litvinskii B. A. Orudiya truda i utvar» iz mogil'nikov Zapadnoi Fergany. M., 1978. S.74–75, 103. Tablitsy 16/5, 16/7, 25/1, 25/.
58. Dzharylgasinova R. Sh. Etnogenez i etnicheskaya istoriya koreitsev po dannym epigrafiki (Stella Kvangetkhovana). M., 1979. S.104.
59. Cherevko K. E. U istokov shakhmatnoi igry // Nauka i reli-giya. 1991. № 6.
60. Okladnikov A. P. Novye dannye po istorii Pribaika-l'ya v tyurkskoe vremena (Sogdiiskaya koloniya na r. Unge?) // Tyurkologicheskie issledovaniya AN SSSR. M., 1963. S.276.
61. Litvinskii B. A. Drevnie kochevniki «Kryshi mira». M., 1972. S.45–49.
62. Kiselev SV. Iz istorii kitaiskoi cherepitsy // Sovet-skaya arkheologiya. 1959. № 3. S. 170–177.
63. Shavkunov E. V. Velikii Shelko-vyi put' i sobol'ya doroga sogdiitsev // Formirovanie i razvitie trass Velikogo Shelkovogo puti v Tsentral'noi Azii v drevnosti i srednevekov'e. Tezisy doklada mezhdunarodnogo seminaru YuNESKO. Tashkent, 1990. S.74.

64. Shavkunov E. V. Sogdiiskaya koloniya v Primor'e VIII–X vv // Materialy po etnokul'turnym svyazyam narodov Dal'nego Vostoka v srednie veka. Vladivostok, 1983. S. 100–105.
65. Marshak S.I. Sogdiiskoe srebro. Ocherki po vostochnoi torevtike. M.,1971. S. 40–41
66. Koren» R. V. Tsivilizatsiya v rakurse etnogeneza kak istochnika kul'tury // NB: Problemy obshchestva i politiki.— 2013.— 6.— С. 159–192. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_715.html
67. Manoilo A. V. Tsennostnye osnovy upravleniya mezhtsivilizatsionnymi konfliktami: rossiiskaya model» // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya.— 2012.— 1.— С. 32–43. DOI: 10.7256/2306–4226.2012.1.279. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_279.html
68. 7. Сенявская Е. С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. М.: 2012. С.179–195.
69. 8. Спаси и сохрани. Свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну. Автор-составитель Фарберов М. И. М.: 2010. Сс.270–282.
70. 9. Якунин В. Н. За веру и Отечество. Самара: 1995. С.88.
71. 10. Огненная дуга: Белгород- Курск-Орел / сост. Алексеев Ю. А., Басик И. И. и др. М.: 2013, с.427.
72. 11. Пересыпкин И. Т. Организация связи // Военно-исторический журнал. 1973, № 7.
73. 12. Ротмистров П. А. Стальная гвардия. М.: 1984. Цит.по: Огненная дуга: Белгород- Курск-Орел / сост. Алексеев Ю. А., Басик И. И. и др., сс. 331–332.
74. 13. Seewald B. Legenden um die größte Panzerschlacht aller Zeiten // Die Welt / 12.07.2013.